

стремятся к восстановлению царизма или по крайней мере реакционного режима; такое подозрение является лучшим козырем в руках большевиков и гарантией того, что огромное большинство России, если не содействует им, то по меньшей мере бездействует. С другой стороны, все социалисты мира выступили бы с протестом против того, что называли бы «кровавым крестовым походом реакции». Они говорили бы также, что речь идет о защите интересов капитализма. В настоящее время необходимо ограничиться тем, чтобы воспрепятствовать распространению волны большевизма, изолировать очаг заразы и прибегнуть к экономическим репрессиям.

Отвечая на вопрос, касающийся проблемы религии, президент говорит:

— Политическая свобода логически приносит с собой стремление к свободе религии. Дремлющая душа гусита пробудилась в тот момент, когда сломались тиски, сжимавшие его разум. Духовенство и верующие единодушно требуют проведения реформ. Почему, например, папа стал бы отказывать священникам в разрешении жениться, если святой престол разрешил это католическому духовенству по восточному ритуалу? До тех пор, пока Бенедикт XV надеялся спасти старую Австрию, он поддерживал в особенности габсбургскую династию; теперь же он непременно изменит свою позицию. Вскоре мы сможем убедиться в этом, как только начнем переговоры с Римом о назначении нового пражского архиепископа. Ватикан поймет, что мы не можем оставить графа Ниупа, т. е. этот прелат вместо того, чтобы защищать своих прихожан, как поступал кардинал Мерсье, всегда действовал против них и санкционировал преследование, ставя интересы династии и немцев выше интересов Чехии.

«Le Temps», Paris, 13 février 1919.
Перевод с французского.

T. G. Masaryk. Cesta demokracie. Sv. I,
1918—1920. Praha, 1933, str. 81—83.

¹ Речь идет о конгрессе II Интернационала, состоявшемся в Берне в феврале 1919 г.

² Таким образом, Масарик вовсе не считал, что на данном этапе вооруженная интервенция вообще не возможна. Япония, по его мнению, могла бы ее активно продолжать. Между тем упрямый сторонник открытой военной интервенции, в том числе и силами чехословацкой армии, К. Крамарж откровенно высказал свое раздражение по поводу этого интервью, которое, как писал он Масарику 14 февраля 1919 г. из Парижа. «...дезаурирует все, что мы здесь с Бенешем делали и что хочет и Штефанник» («Voj o směr vývoje československého státu», I, Rijen 1918 — červen 1919. Praha, 1965, str. 69).

*Телеграмма советника МИД на Дальнем Востоке Клемма в
Министерство иностранных дел Временного Сибирского
правительства*

16 февраля 1919 г.

Вчера имел продолжительную беседу с чехословацким комиссаром доктором Гирсой¹, который высказал следующее: по имеющимся у него достоверным данным, союзные правительства под давлением общественного мнения своих стран будто бы серьезно склонны отозвать свои войска из России. При таком настроении представляется крайне опас-

ной агитация, поднятая здесь крайними элементами, которые обращаются к союзным представителям с настоятельным требованием вывода войск. При этом Гирса показал мне одну прокламацию такого рода, полученную им и всеми союзниками и иностранными корреспондентами накануне. Текст этой прокламации, авторами которой, по имеющимся сведениям, являются председатель Земской управы Медведев и его партия, передается мною телеграммой за № 2. Он объявил, что знает наверно, что содержание прокламации уже передано многими за границу, где она возымеет несомненно действие на местное общественное мнение, как оно здесь повлияло на недовольных американцев и канадцев, не сочувствующих сидению здесь без дела и рвущихся по домам. По мнению Гирсы, нашим государственно мыслящим организациям следует, не теряя ни минуты, поднять контрагитацию и настоятельно затребовать от союзников продолжения интервенции и притом в более энергичной форме. Но он считает, что этого недостаточно. Дабы облегчить трудную задачу союзных правительств и дать им возможность зажать рот собственным большевикам, необходимо показать всему миру, что вмешательство их в России не преследует антиреволюционных или партийных целей. Это могло бы быть достигнуто путем образования межсоюзного комитета, в который вошло бы по два представителя каждой из союзных держав и шесть от России и председателем которого был бы русский. Этот комитет, который подчинялся бы только мирной конференции и исключительно от нее получал бы руководящие указания, должен был бы решать на месте либо [во] Владивостоке, либо [в] другом городе, все вопросы, связанные с интервенцией. Ему надлежало бы начать с декларации в духе трех пунктов, выдвинутых на мирной конференции, а именно, что союзники отнюдь не желают восстановления в России прежнего деспотического образа правления, что они хотят, чтобы русский народ свободно мог высказаться относительно желательной ему конструкции страны и власти и что их желание видеть Россию умиротворенною и вновь окрепшею. В распоряжении комитета будет вооруженная сила в Сибири и в Европейской России, при помощи которой будет поддерживаться порядок. Большевикам будет предложено сложить с себя власть, разоружить и распустить свои войска и сдать оружие союзникам. Затем местная власть в Европейской России должна впредь до решения народного собрания перейти к земствам и городским управлениям того состава, который был при Временном правительстве, а общегосударственные дела должны будут сосредоточиться в руках правительства адмирала Колчака, причем ручательством отсутствия у последнего каких-либо контрреволюционных замыслов будет служить присутствие межсоюзнического комитета. Если так поставить дело, то со стороны социалистов других стран все возражения против интервенции отпадут. Гирса добавил, что из разговоров со здешними социалистами (очевидно, Медведевым, Огаревым и их партией) он убедился, что для них такая программа представляется вполне приемлемой. С большевиками же, конечно, считаться не будут. В заключение Гирса обещал дать мне свои предположения письменно и высказал мнение, что лучше всего было бы русскому правительству взять на себя почин в этом деле, поручив переговоры Сазонову.

На мое замечание, что союзники готовятся установить охрану железных дорог и потому вряд ли выведут свои войска, он ответил, что считает всю затею с железными дорогами бесполезной и даже опасной,

ибо действия иностранцев на дорогах легко могут вызвать возмущение среди наших рабочих классов, которые могут обратиться к своим заграничным собратьям, и в результате союзники окажутся вынуждены бросить эту затею и совсем уйти из России.

Со своей стороны я оспаривал многое из сказанного, давая понять, что оно представляется мне малопродуманным и трудноосуществимым, но Гирса тем не менее просил меня довести его идею до сведения правительства. Я знаю, что он уже говорил о ней с союзниками и, по-видимому, не встретил принципиальных возражений. Когда я получу полный текст проекта, я попрошу Вас к прямому проводу для дословного сообщения его Вам и получения подробных инструкций.

Клемм

Печатается по АВИР.

¹ В. Гирса (1875—1954) — член филиала ЧНС, представлявший его во Владивостоке, с ноября 1919 г. — уполномоченный правительства Чехословацкой республики в России, затем высокопоставленный чиновник МИД Чехословакии в ранге чрезвычайного посла и полномочного министра.

185

*Письмо министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша
в Прагу о планах антисоветской интервенции*

Париж

16 февраля 1919 г.

Положение с русским вопросом здесь в настоящее время примерно следующее: как представляется, союзники и Америка ни в коем случае не пойдут ни на интервенцию, ни на какие-либо крупные акции. Никто из них не осмелится ясно поставить вопрос. Они испытывают страх перед внутренними бурями, зная, что население не хочет войны, что там и здесь, в частности во Франции, найдется самое большое несколько одиночек, желающих вступить в добровольческую армию. Два-три месяца назад их было значительно больше, ныне, чем дальше, количество их уменьшается. Такое настроение населения значительно более, чем все другие причины, приводит к тому, что об интервенции не помышляют. Французское правительство, по крайней мере, в какой-то степени сознает, что ситуация в России может закончиться роковым образом и для него. Поэтому оно хотело бы изменить ее и по возможности поддержать акцию в России. Однако само оно сделать это не может и видит, что другие на это не пойдут. В этой ситуации некоторые французские политические круги, понимая невозможность реорганизации России, строят авантюристические политические планы, в частности все больше принимают польскую точку зрения, склоняются к польской ориентации, т. е. к созданию сильной Польши. Это очень опасно и для нас, и я считаю принципиально важным со всей решительностью выступить против такого политического плана. Он опасен тем, что возникнут конфликты, мы окажемся в трудном положении, и скорее отдалит от нас Польшу, чем приблизит.

В таких условиях среди русских политиков здесь родился новый план: сформировать специально в Чехии армию из пленных, по возможности концентрировать русских пленных у нас и установить контроль чехословацкого правительства над этой армией, организовать ее